

человек. Очевидно, что ее руководитель может быть косвенно заинтересован в исходе дела. Но поскольку необходимость в проведении неотложных следственных действий все равно существует, целесообразно установить правовой механизм более тщательной проверки обстоятельств самого происшествия, обстоятельство возбуждения уголовного дела, а также проверки межличностных отношений в данном коллективе. Предпосылки к закреплению данного механизма в законе уже имеются: ч. 4 ст. 146 УПК РФ устанавливает, что при возбуждении уголовного дела капитанами морских или речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителями геологоразведочных партий или зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, главами дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации прокурор незамедлительно уведомляется указанными лицами о начале расследования. В данном случае постановление о возбуждении уголовного дела передается прокурору незамедлительно при появлении для этого реальной возможности.

1. Дежнев А. Возможен ли отвод в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2006. № 1.

2. Федорин В.Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007.

УДК 343.123.1

П.В. Гридюшко, Ю.М. Юбка

СИСТЕМА ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Действующий уголовно-процессуальный закон в ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь устанавливает перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных осуществлять дознание. При этом приоритетное положение в выделенной законодателем системе на настоящий момент с учетом объема производства по материалам и уголовным делам занимает Министерство внутренних дел и территориальные органы внутренних дел, о чем наглядно свидетельствует статистическая отчетность. Так, в производстве Министерства внутренних дел и территориальных органов внутренних дел в 2010 г. и за 10 месяцев 2011 г. находилось 214 670 уголовных дел, а за аналогичный период у других органов дознания, упомянутых законодателем в ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь, – 709 уголовных дел (органы государственной безопасности; органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь; Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, территориальные органы пограничной службы, орган пограничной службы специального назначения; таможенные органы), что свидетельствует об универсальности Министерства внутренних дел и его территориальных органов как органов дознания, осуществляющих производство по исключительному большинству преступлений.

Вместе с тем в перечне преступлений, дознание по которым может проводиться должностными лицами Министерства внутренних дел и территориальных органов внутренних дел, в настоящее время имеются отдельные составы, по которым производство дознания могли бы осуществлять и другие государственные органы. Процессуальная деятельность последних в некоторой мере позволила бы снизить нагрузку на лиц, производящих дознание в органах внутренних дел, и больше внимания уделить качеству производства дознания по уголовным делам, находящимся в производстве.

Руководство страны, постоянно уделяя внимание вопросам экологической безопасности и охраны природной среды, принимает необходимые меры в этом направлении как организационного, так административно-правового и уголовно-правового характера. В этой связи действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает ответственность за административные правонарушения и преступления, совершенные в рассматриваемой сфере общественных отношений.

В упомянутый нами период (2010–2011 гг.) дознавателями органов внутренних дел в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального законодательства приходилось осуществлять производство по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 277, ч. 1, 2 ст. 281, ч. 1, 2 ст. 282 УК Республики Беларусь. При этом количество преступлений о незаконной добыче рыбы или других водных животных, а также незаконной охоте всегда было доминирующим по отношению к другим преступлениям, предусмотренным гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» Уголовного кодекса, в частности: в 2007 г. – 446; 2008 г. – 488; 2009 г. – 627; 2010 г. – 650, а за 11 месяцев 2011 г. – 458 преступлений.

Анализ практики производства расследования свидетельствует, что реагирование на заявления и сообщения о данных преступлениях осуществляют не только сотрудники органов внутренних дел, но и сотрудники Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (далее – сотрудники Государственной инспекции), образованной указом Президента Республики Беларусь от 27 января 2003 г. № 45. В ходе выполнения своих функциональных обязанностей они не только реагируют на заявления и сообщения, но и самостоятельно при проведении рейдово-поисковых мероприятий выявляют лиц, совершающих правонарушения против экологической безопасности и природной среды.

Деятельность последних реализуется в рамках Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИКоАП), положения которого предусматривают не только обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и систему источников доказательств, позволяющую установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания в каждом конкретном случае совершения административного правонарушения (ст. 6.2–6.11 ПКИКоАП).

Доказывание по делу об административном правонарушении по своей правовой природе представляет собой деятельность, родственную деятельности дознавателя (следователя) в рамках процесса доказывания по материалам и уголовным делам в пределах предусмотренной законодателем процессуальной формы, т. е. их правовая природа равнозначна.

В свою очередь, правовая процедура проведения процессуальных действий в административном процессе также имеет общие черты с производством следственных действий в уголовном процессе Республики Беларусь. Выявляя правонарушения о незаконной добыче рыбы или водных животных и незаконной охоте, сотрудники Государственной инспекции первыми осуществляют собирание доказательств о противоправной деятельности и нередки ситуации, когда эти действия впоследствии квалифицируются как преступные деяния, предусмотренные ст. 281, 282 УК Республики Беларусь, а собранные ими фактические данные используются в качестве доказательств по уголовным делам.

Немаловажным аспектом всякого государственного учреждения является его кадровый потенциал и профессиональная подготовленность сотрудников к выполнению конкретных функциональных обязанностей с учетом специфики деятельности. В связи с чем следует констатировать, что должности сотрудников Государственной инспекции, как правило, замещают бывшие сотрудники МВД Республики Беларусь, имеющие не только представление об административном производстве и процессуальной деятельности по материалам и уголовным делам, но и реальные практические навыки, приобретенные при прохождении службы в органах внутренних дел.

Материально-технические возможности, позволяющие мгновенно реагировать на правонарушения рассматриваемой категории и проводить необходимые поисковые мероприятия по установлению лиц, их совершивших, также являются одним из важных факторов этой деятельности и свидетельствуют о реальных возможностях Государственной инспекции выполнять функции органа дознания.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным включить в систему органов дознания Государственную инспекцию охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, дополнив ч. 1 ст. 37 УПК «Органы дознания» п. 11 в следующей редакции: «Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 277, 281, 282 Уголовного кодекса Республики Беларусь».

УДК 343.123.3

И.В. Данько

ПРИМИРЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В реформировании законодательства Республики Беларусь важное место занимает совершенствование норм Уголовно-процессуального кодекса. Дополнительный импульс этой работе придало образование Следственного комитета, уголовно-процессуальные основы деятельности которого нашли отражение в законе от 13 декабря 2011 г. Указанный нормативный правовой акт внес существенные коррективы в действующий УПК, призванные по-новому регламентировать компетенцию прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания. В значительном массиве поправок, обусловленных необходимостью законодательного регулирования процессуальной деятельности вновь созданного ведомства, как-то незамеченным осталось изменение, внесенное в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК. Данная норма предусматривала обязанность прекращения производства по делам частного обвинения за примирением лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым. В новой редакции словосочетание «по делам частного обвинения» исключено, что влечет обязательность прекращения производства по любому уголовному делу, в том числе публичного обвинения, в случае примирения потерпевшего с обвиняемым.

Очевидно, приведенная новелла характеризует преобладающую в последнее время тенденцию расширения частных начал в уголовном процессе, стремление сделать потерпевшего активным субъектом уголовно-процессуальных отношений, влияющим на их возникновение, изменение и прекращение. По словам Е.В. Пахомовой, ориентация на потерпевшего объясняется «потребностью в приоритетной охране интересов личности перед охраной государственных либо общественных интересов, поскольку в правовом государстве должны быть созданы всеобъемлющие гарантии личности от излишнего вмешательства государства в частную сферу, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства» [1, с. 190]. Однако даже яркие приверженцы института примирения сторон в уголовном процессе прекращение производства по делу по данному основанию связывают с определенными условиями: исчерпывающим перечнем преступлений, как правило, не представляющих большой общественной опасности или менее тяжких, совершением их впервые и др.

Полагаем, белорусский законодатель в своем желании создать так называемые альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов перестарался, возведя примирение пострадавшего от преступления с обвиняемым без каких-либо ограничений в ранг обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, а именно так называется ст. 29 УПК. По ее смыслу теперь независимо от совершенного преступления в случае заявления, например, потерпевшим, защитником ходатайства о прекращении производства по делу в связи с документально подтвержденным примирением с обвиняемым следователь, прокурор, суд обязаны прекратить производство по делу. Таким образом, п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК в нынешней редакции представляет собой безусловное основание для прекращения производства по уголовному делу.

Нетрудно предположить последствия применения этой нормы: ухудшение криминогенной обстановки, возрастание власти денег, озлобленность одних и вседозволенность других. По мнению А.П. Анисимова, «введение такой практики непременно приведет к снижению эффективности уголовно-правового регулирования общественных отношений и сделает общество заложником пострадавших от преступления лиц, проявляющих „милосердие“, руководствуясь своими материальными интересами. Как следствие, это приведет к росту умышленных преступлений, так как, планируя преступление, злоумышленник будет заранее рассчитывать не только на то, что оно останется нераскрытым, но еще и на то, что в случае изобличения он сможет легально откупиться от уголовного наказания» [2, с. 44].

Не вторгаясь глубоко в морально-нравственные аспекты обозначенного вопроса, хотелось бы обратить внимание на его правовую сторону, заключающуюся в недостаточной продуманности рассматриваемых изменений, влекущих ряд серьезных противоречий, которые, хочется надеяться, будут препятствовать реализации п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК на практике.

Следует отметить, что в новой редакции анализируемое основание прекращения производства по делу диссонирует с закрепленным в ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса принципом неотвратимости уголовной ответственности. При этом ч. 4 указанной статьи предусматривает, что освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом, ст. 89 которого устанавливает, во-первых, право, а не обязанность прекращения производства по делу за примирением потерпевшего с обвиняемым, загладившим причиненный преступлением вред, во-вторых, такую возможность только при совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, или совершении менее тяжкого преступления впервые. В этой связи справедливо утверждение В.П. Божьева о том, что «установление материально-правовых оснований освобождения от уголовной ответственности – прерогатива уголовного права» [3, с. 57], а возникшие коллизии необходимо решать, основываясь на правилах Уголовного кодекса.

Примечательно, что п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК в нынешнем варианте идет вразрез не только с требованиями Уголовного кодекса, но и с рядом норм УПК, порождая тем самым непоследовательность и внутреннюю несогласованность юридических предписаний правового акта.

Так, ч. 1 ст. 30 УПК, как и уголовный закон, устанавливает не императивный, а дискреционный характер полномочий суда, прокурора, следователя с согласия прокурора на прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, обставляя их условиями, содержащимися в ст. 89 УК. Более того, исключив в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК фразу «по делам частного обвинения», законодатель не сделал этого в ст. 43 и 50 УПК, регламентирующих правовое положение соответственно обвиняемого и потерпевшего, которые, как и прежде, могут примириться только по делам частного обвинения.

В завершение идеологам различного рода «уголовно-правовых компромиссов» не помешает напомнить о конституционном принципе уголовного процесса, закрепленном в ст. 20 УПК, ч. 2 которой провозглашает, что «производство по материалам и уголовному делу осуществляется на основе равенства граждан перед законом независимо от их... имущественного положения...».

1. Пахомова Е.В. Примирение с потерпевшим как условие освобождения от уголовной ответственности // О-во и право. 2009. № 1 (23).

2. Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьева. М., 2002.